

ЧАРЛЬЗ МАРТИН

ЛОВЕЦ ОГНЕЙ
НА ЗВЕЗДНОМ ПОЛЕ

CHARLES MARTIN

CHASING
FIREFLIES

**ЧИТАЙТЕ ДРУГИЕ РОМАНЫ
ЧАРЛЬЗА МАРТИНА:**

КОГДА ПОЮТ СВЕРЧКИ
ЖЕНЩИНА БЕЗ ИМЕНИ
МЕЖДУ НАМИ ГОРЫ
В ОБЪЯТИЯХ ДОЖДЯ
КОЛОДЕЦ С ЖИВОЙ ВОДОЙ
БОГ ПЯТНИЧНОГО ВЕЧЕРА
ЛОВЕЦ ОГНЕЙ НА ЗВЕЗДНОМ ПОЛЕ

ЧАРЛЬЗ МАРТИН

ЛОВЕЦ ОГНЕЙ
НА ЗВЕЗДНОМ ПОЛЕ

МОСКВА
2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М29

Charles Martin
CHASING FIREFLIES

Copyright © 2007 by Charles Martin

Перевод с английского *В. Гришечкина*

Художественное оформление *С. Власова*

В оформлении обложки использована иллюстрация:

Tithi Luadthong / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Мартин, Чарльз.

М29 Ловец огней на звездном поле : [роман] / Чарльз Мартин ; [пер. с англ. В. Гришечкина]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 544 с. — (Джентльмен нашего времени. Романы Чарльза Мартина).

ISBN 978-5-699-97207-4

Чейз Уокер всю жизнь разыскивал своего настоящего отца, но его попытки так и не увенчались успехом. Когда волей случая ему приходится принять участие в судьбе Майки, десятилетнего сироты, найденного возле железной дороги, Чейз решает, что не в силах смириться с тем, что еще одно детство загублено, и берет ребенка на воспитание. Неожиданно этот поступок приоткрывает завесу и в его собственной истории. Распутывая загадки прошлого, Чейз следует опасной дорогой. Но есть ли что-то или кто-то, способный ему помешать?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Гришечкин В., перевод
на русский язык, 2017

© Издание на русском
языке, оформление.

ISBN 978-5-699-97207-4

ООО «Издательство «Э», 2017

Моему отцу.
...потому что нет никого дороже...

Трагедия

Мчащийся с огромной скоростью зеленый «Шевроле Импала» вылетел с боковой грунтовки на шоссе № 99. На асфальте машину занесло — пронзительно завизжали тормоза, из-под протекторов поднялись клубы дыма, казавшиеся оранжевыми в лучах восходящего солнца. Одна из выхлопных труб, болтавшаяся на проволоке, чиркнула по покрытию, и ее ржавый кончик с остатками хромирования на несколько секунд разогрелся докрасна, став похожим на огонек тлеющей сигареты. Двигатель взвыл, несколько раз стрельнув проржавевшим глушителем, потом машина выровнялась и, набирая скорость, помчалась по прямому участку шоссе, пролегшему вдоль железнодорожных путей. Левый тормозной фонарь «Импалы» был разбит, а лобовое стекло покрывала густая сеть трещин и царапин, сквозь которые едва можно было разглядеть дорогу впереди. К счастью, в этот ранний час шоссе оставалось пустынным, поэтому мчащаяся на всех парах древняя развалина представляла опасность разве что для самого водителя.

Спидометр в салоне показывал свыше девяноста миль в час, хотя на самом деле скорость была мень-

ше — миль шестьдесят пять или даже пятьдесят. Прямой участок шоссе подходил к концу, и водитель резко затормозил, вдавливая педаль в пол обеими ногами. Машину снова занесло — сначала ее потащило к обочине, потом выбросило на разделительную полосу. Еще какое-то время «Импалу» швыряло по дороге, словно воздушный шарик, который вырвался из рук надувавшего его человека. В конце этого беспорядочного пути, вблизи разметки, обозначавшей железнодорожный переезд, водитель переключился на заднюю передачу и дал газ. Взревел движок. Машина вновь окуталась сизым дымом, валившим из-под задних крыльев и правой выхлопной трубы. Потом, без всякого предупреждения, «Импала» развернулась, сильно накренившись вправо, и водитель снова газанул.

Мальчишка, сидевший на переднем пассажирском сиденье, глядел в боковое зеркальце заднего вида. Прищурился, так что ресницы почти сомкнулись, он смотрел на россыпи искр, высеченные из покрытия выхлопной трубой. Ее раскаленный докрасна конец представлялся ему чем-то вроде кометы, а прыгающие по шоссе багровые искры — россыпью сорвавшихся со своих орбит звезд.

Тем временем машина, двигаясь по встречной полосе, почти достигла железнодорожного переезда. Только здесь водитель попытался вернуться на свою сторону, но от резкого движения руля машину снова выбросило на встречу. Рассыпавшиеся по южнокаролинскому шоссе искры погасли, венчающая капот фигурка бульдога утонула в клубах пара, пробившегося из-под пробки радиатора, наполовину оторванная обивка потолка провисла и теперь хлопала на ветру, как плохо закрепленный палаточный тент. Все четыре окна в машине были опущены, вместо заднего стекла

торчало лишь несколько острых осколков. Дымя, как подбитый танк, «Импала» замерла в нескольких футах от сверкающих железнодорожных рельсов.

От исторических рельсов...

Поезд дальнего следования «Серебряный метеор» совершил первый рейс в феврале 1932 года. В годы Второй мировой войны местные жители просто выходили из прилегающих к полотну лесов, останавливали поезд взмахом руки и добирались на нем до Нью-Йорка. Там они пересаживались на пароход, чтобы плыть за океан — воевать с немцами. Яркий головной прожектор локомотива раскачивался при движении, отчего освещавший рельсы луч выписывал восьмерки — словно танцевал под пулеметные очереди путевого телеграфа. Еще до войны в вагонах появились кондиционеры, буфет, откидные кресла, вагон-ресторан и туристический вагон с панорамными окнами. По тем временам все это было невиданной роскошью. Серебристые обтекаемые вагоны класса люкс, пульмановские СВ и проводники в белых тужурках, открывавшие дверцы и опускавшие на платформы специальные лесенки, казались чем-то вроде волшебной колесницы, способной доставить человека из дремучего захолустья в настоящий, большой мир.

В середине пятидесятых «Серебряный метеор» стал одним из самых известных и популярных поездов. В 14 часов 50 минут он отправлялся из Нью-Йорка и уже через три с половиной часа прибывал в округ Колумбия. После небольшой стоянки «Серебряный метеор» снова отправлялся в путь, чтобы на следующий день, ровно в четыре пополудни, высадить

пассажиров на железнодорожном вокзале в Майами, Флорида. Через небольшой городок Талманн, расположенный в нескольких милях к западу от переезда, где остановилась сейчас зеленая «Импала», «Серебряный метеор» проносился рано утром.

В те времена перед каждым пересечением с шоссе старший кондуктор непременно сверялся со своими «Гамильтонами»¹, чтобы засечь время, а затем давал длинный гудок. Правда, это не всегда было необходимо. Зачастую подобное представление было чистым бахвальством. С другой стороны, далеко не у каждого была такая работа, как у старшего кондуктора знаменитого поезда!

На пике своей популярности «Серебряный метеор» состоял из двух десятков вагонов и двигался со скоростью от семидесяти четырех до девяноста миль в час, а это означало, что его тормозной путь превышал пять миль. Сразу после Талманна поезд сворачивал южнее, проносясь вдоль побережья Джорджии, а затем добирался до Флориды, разгоняясь на прямых участках между Себрингом и Уэст-Палм-бич до сотни миль в час. Его стремительный полет создавал ощущение сверхъестественной мощи и сопровождался целой симфонией звуков и запахов. Его головной экскурсионный вагон с куполообразной стеклянной надстройкой появлялся на поворотах словно ниоткуда и сверкал словно Полярная звезда, а еще через минуту вдали в последний раз мелькал тормозной вагон.

На прямых участках кондуктор через каждые четверть мили давал оглушительный гудок, на последней четверти скоростного отрезка сигнал звучал непрерывно. У переездов, стрелок и пересечений с другими пу-

¹ «Гамильтон» — американская часовая компания (*Здесь и далее прим. перев.*).

тями поезд чуть притормаживал, разражаясь настоящей какофонией скрипа, грохота и других, не менее странных звуков. Стучали буфера, гремели на стыках колеса, лязгала сцепка, звенели звонки, ревели двигатели, гудел гудок, а следом за поездом летели по воздуху горячие искры. Эти звуки сплетались в величественный гимн, который мчался далеко впереди поезда, и у каждого, кто его слышал, мурашки бежали по спине, а грудь переполняло ощущение необъяснимого восторга и почти религиозного трепета. Когда же, мигнув на прощание красным хвостовым фонарем, обдав наблюдателя волной горячего воздуха, запахом дизельного выхлопа, разогретого масла и креозота, поезд скрывался вдаль, человек испытывал неясное томление и тоску, словно он только что расстался с любимой или с любимым.

За рулем зеленой «Импалы» сидела женщина — тощая, почти костлявая, с худыми, сухими пальцами и полупрозрачной кожей. Между тонкими, как спички, бедрами женщины был зажат коричневый бумажный пакет, из которого торчало горлышко бутылки. Большие солнечные очки скрывали глубоко запавшие глаза, делая ее лицо гораздо меньше, чем было на самом деле; это впечатление еще более усиливалось благодаря завязанному под подбородком красному платку, скрывавшему волосы и уши. Широко раскрывавая неприятный тонкогубый рот, она что-то яростно кричала невидимому собеседнику, находящемуся где-то по другую сторону покрытого паутиной трещин лобового стекла.

Мальчишке на соседнем сиденье было лет десять, хотя выглядел он на пару лет моложе — настолько он

был худым и изможденным и напоминал одичавшего котенка в одном из покинутых людьми поселков где-нибудь на Среднем Западе. Сразу было видать, что в последнее время он частенько недоедал, да и пища его вряд ли была здоровой и калорийной. Из одежды на нем были только обрезанные джинсы — грязные, обмахрившиеся внизу до такой степени, что белые нитки основы стали похожими на одуванчиковый пух. Правую дужку его очков удерживала английская булавка, а обе линзы покрывали многочисленные царапины.

Очки ему дал один из мужчин, в разное время заменявших мальчику отца. Как-то они вместе зашли в «Уолмарт», где был кабинет врача-оптика — специалиста по подбору очков и контактных линз. Мальчик дернул мужчину за брюки, показывая на вход в кабинет. В ответ мужчина нахмурился и шагнул к ящику, куда клиенты врача выбрасывали старые очки. Оглянувшись через плечо, он сунул руку в щель и вытащил из ящика первую попавшуюся пару. Повертев очки в руках, мужчина наклонился и надел на мальчика.

— На тебе. Ну что, в этих лучше?

Мальчик посмотрел на шрамы, покрывавшие руки мужчины, на черный ободок под давно не стриженными ногтями и кивнул.

Это было два года назад.

Сейчас мальчуган смотрел прямо перед собой, прижимая к груди тонкий блокнот на пружине, из которого торчал карандаш. Его бледную до прозрачности кожу покрывали шрамы и ссадины — и поджившие, и свежие, но все они болели. Некоторые были круглыми, толщиной с карандаш, некоторые — длиной в дюйм и почти в полдюйма шириной. На спине, почти в центре правой лопатки, сочилась гноем и сукровицей еще одна, самая свежая рана.

Женщина неожиданно повернулась к мальчику и, уставив ему в лицо тонкий, дрожащий палец, продолжала кричать. Почти одновременно где-то далеко раздался протяжный гудок локомотива, но мальчик даже не вздрогнул. Вздрагивать он отучился уже давно.

Женщина схватила свой пакет, сделала из бутылки несколько больших глотков и продолжила бессвязно кричать что-то понятное только ей одной. Теперь она снова обращалась к невидимому собеседнику за лобовым стеклом автомобиля. Вдали вспыхнула хорошо заметная даже при дневном свете звезда — головной фонарь тепловоза.

Словно в отчаянии, женщина несколько раз ударила ладонями по рулю, снова глотнула из бутылки и, резко повернувшись, наотмашь хлестанула мальчика по лицу, так что его голова мотнулась назад, стукнувшись о стойку крыши. Очки слетели на пол, но мальчик быстро их подобрал. Блокнот он по-прежнему крепко прижимал к груди.

Женщина нервно забарабанила пальцами по колену. Немного отдышавшись после предпринятого усилия, она закурила и, глубоко затянувшись, пустила дым в окно. Мальчик опасно наблюдал за тлеющим огоньком на кончике сигареты. Женщина сделала еще две затяжки, снова глотнула из бутылки, потом провела рукой по волосам мальчика. Они были пострижены коротко, но неровно, как стригут овец; особенно досталось затылку, где клинья темных волос чередовались с голыми, светлыми местами, отчего голова мальчика походила на футбольный мяч.

В полумиле от переезда поезд миновал белую светофорную мачту и снова загудел. Могучий рев гудка заставил женщину очнуться. Одним глотком осушив бутылку, она бросила на пол и растоптала сигарету

и опустила ладонь на плечо мальчугана. Ее пальцы коснулись покрытого подсохшей коркой шрама, и женщина поморщилась. Из скрытых темными очками глаз женщины потоками лились слезы. Несмотря на ранний час и раскрытые окна, в кабине было уже довольно жарко, но мальчугана все равно бил озноб, а кожа блестела от холодной испарины.

Еще несколько мгновений — и в женщину точно бес вселился! Она неуклюже швырнула бутылку в лобовое стекло — в невидимое лицо за ним, но бутылка отскочила от приборной доски и упала на пол, зацепив по дороге полупустую пачку «Винстона». Еще один громкий, донесшийся издалека гудок привлек внимание женщины. Секунду она прислушивалась, потом снова повернулась к мальчику и, уткнув ему в лицо палец, пронзительно закричала или, лучше сказать, завывала. Протяжный, терзающий душу вопль вырвался из ее горла, на котором набухли от напряжения вены, похожие на извилистые стебли ползучих растений. Ее крик еще звучал, но мальчик упрямо набычился и покачал головой, хотя плечи его тряслись от страха. В приступе отчаяния женщина еще раз ударила кулаками по рулю, выругалась и отвесила спутнику очередную пощечину. От сильного удара голова мальчика снова откинулась, так что сбитые с лица очки вылетели в открытое окно — линзы отдельно, оправа — отдельно. Из разбитого носа и рассеченной губы закапала кровь, но сдаваться мальчуган не собирался. Помотав головой, он прикрылся блокнотом в ожидании очередного удара, но на этот раз женщина не стала его бить. Перегнувшись через колени мальчика, она толчком распахнула пассажирскую дверцу, потом повернулась на сиденье и, упираясь спиной в дверь со своей стороны, подняла согнутую ногу.

Гудок локомотива звучал теперь без перерыва, и точно таким же протяжным был яростный крик женщины. От грохота приближающегося поезда ветхий салон «Импалы» вибрировал и ходил ходуном, а стук колес напоминал артиллерийскую канонаду. Еще несколько мгновений, и женщина решилась. Крепко вцепившись одной рукой в руль, а другой — в сиденье, она с силой выпрямила ногу.

Удар пришелся мальчугану в висок. Он был таким сильным, что беднягу бросило на дверцу, та распахнулась, и мальчик вылетел на асфальт. Блокнот вырвался у него из рук и, трепеща страницами, взвился в воздух, а его хозяин покатился по твердому покрытию, перевалился через засыпанную гравием обочину и сполз в глубокий, заросший осокой и камышом кювет, на дне которого стояла лужа воючей воды.

Поезд был уже в сотне футов от переезда, когда женщина включила первую передачу и, дав полный газ, отпустила сцепление. Визжа скатами, машина прыгнула на пути не хуже антилопы, в честь которой когда-то назвали ее конструкторы.

Ее бег оказался недолгим. Машина проехала футов десять и снова остановилась — не выдержали болты задних колес. Все еще ревя мотором, «Импала» замерла, на сей раз — прямо на рельсах.

Грузовой состав из ста с лишним вагонов двигался со скоростью около шестидесяти миль в час. Он вез в джексонвиллский порт новенькие «Тойоты». Локомотив ударил машину в бок с такой силой, что она согнулась посередине, став похожа на бумеранг, потом подлетела в воздух, напоминая не то вертикально стартующий истребитель, не то удачно отбитый бэттером флай-бол. Кувыряясь, разбитый корпус взмыл

над верхушками высаженных вдоль полотна молодых сосен и рухнул на усыпанную высохшей хвоей землю.

Поезд промчался еще сотню ярдов, прежде чем машинист, громко призывая всех святых, нажал на тормоза. Через полмили тяжелый состав, который и сам был почти в милю длиной, наконец остановился, и пока помощник связывался по радиации со спасательной службой, машинист соскочил на землю, тяжело побежал в ту сторону, где над вершинами деревьев чернел столб дыма и трещало жадное пламя. К тому времени, когда он добежал до места столкновения, покрывки успели расплавиться, а краска на искореженном кузове пошла пузырями. Салон автомобиля напоминал огненный ад. Сквозь дыру, зияющую на месте лобового стекла, машинист разглядел черно-красные пальцы водителя, все еще стискивавшие руль, и поскорее отвернулся, зажав нос рукой.

Минут через двадцать прибыли «Скорая помощь» и две пожарные машины. Подъехали также помощник шерифа и фермер, который работал на своем тракторе в миле от переезда и увидел взрыв. Спасатели провели на месте происшествия три часа. Пожарные тушили пламя, а помощник шерифа и все остальные обсуждали подробности столкновения, пожара и гадали, кем могла быть погибшая женщина. Никто из них не заметил лежащего в кювете мальчишку, а он, в свою очередь, не издал ни звука.

Глава 1

Негромко насвистывая одну из мелодий Пэтти Грин, я вышел на ярко освещенную улицу, надел солнечные очки и бросил взгляд в направлении ступеней городского суда. За те три дня, что я провел в камере, здесь немного изменилось. В Брансуике, Джорджия, вообще мало что меняется. Расплющенные комочки жвачки усеивали ступени, словно разбрызганные чернила. Ленивые, разжиревшие голуби расхаживали вдоль тротуара, выклянчивая у прохожих крошки печенья или хлебные корки. Вдоль переулка пробиралась целая стая бродячих кошек, держа курс в направлении расположенного в четырех кварталах причала — должно быть, доносящийся оттуда галдеж чаек подсказал им, что шхуны креветколовов уже вернулись с утренней рыбалки. Двое полицейских волокли вверх по ступеням сплошь татуированного мужика, чьи руки и ноги были скованы стальными наручниками, и я подумал, что уже скоро он предстанет перед судьей Такстон. Судя по словам, которые вместе с брызгами слюны вырывались изо рта татуированного, он тоже это знал и был не в восторге от подобной